

23. **Сіотка.** Pierszaje czytanne dla dziatak bielarusou / Сіотка. Pieciarburh : Drukarnia Piantkouskaha, 1906. 32 с.

24. **Снапкоўская, С. В.** Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі : з гісторыі школы і педагагічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. / С. В. Снапкоўская. Мінск : Народная асвета, 1995. С. 52.

25. **Барт, Р.** Избранные работы : Семиотика. Поэтика : перевод с французского / Р. Барт ; составление, общая редакция и вступительная статья Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, Универс, 1994. С. 420.

26. **Колас, Я.** Збор твораў : у 14 т. Т. 11 ... С. 87–90.

27. Там жа. С. 114–116.

28. Там жа. С. 154–157.

29. **Колас, Я.** Збор твораў : у 14 т. Т. 12 ... С. 25–26.

30. Там жа. С. 132–136.

31. Там жа. С. 26.

32. **Колас, Я.** Збор твораў : у 14 т. Т. 11 ... С. 29–31.

33. Там жа. С. 61–63.

34. Там жа. С. 218–220.

35. **Колас, Я.** Збор твораў : у 14 т. Т. 12 ... С. 39–42.

36. Там жа. С. 318.

37. Там жа.

38. Там жа. С. 317.

39. Там жа. С. 348.

Сильнова Л.Д. (Минск)

«БЕЛЫМ ЦВЕТОМ ОДЕТА КАЛИНА...»:

**письмо А.Я. Бараховича к Н.Б. Ватаци о судьбе
двоюродной сестры Максима Богдановича и первой музе
поэта Нюте Гапанович (в замужестве А.И. Селивановской)**

Классик и легенда белорусской библиографии Нина Борисовна Ватаци (1908–1997) много лет жизни отдала работе библиографа в Национальной библиотеке Беларуси (НББ) [1]. Последние десятилетия ее неизменно называли в литературных кругах и масс-медиа «главным библиографом главной библиотеки страны» и «библиографом Максима Богдановича». Максим Богданович (1891–1917) – поэт, Максим-книжник, как он себя называл, был зачинателем новой белорусской литературы в начале XX в., а

сегодня – общепризнанный, воспетый в национальном искусстве литературный классик.

Все содержание сложной, долгой жизни Н.Б. Ватаци с трудом вмещалось в рамки биографии одного земного человека: вначале было детство в буржуазной Латвии, затем университетское образование в столице БССР Минске, замужество, униженная репрессиями молодая интеллигентная семья и высылка в Россию, тяжелые переезды, случайная работа, гибель на фронте мужа, тесная библиотека эвакуационного госпиталя, снова Минск, послевоенное восстановление государственных библиотечных фондов, широкая поисковая работа, общение с писателями и культурными деятелями, в конце концов – около 50 лет трудового стажа в одном коллективе в Государственной библиотеке БССР им. В.И. Ленина (теперь НББ).

Специальностью и призванием Нины Борисовны была библиография художественной литературы, популяризация творчества белорусских писателей. Всего Н.Б. Ватаци подготовила и издала 22 именных библиографических пособия, посвященных 12 белорусским писателям. Это (по алфавиту персоналий): Максим Богданович, Петрусь Бровка, Петр Глебка, Якуб Колас, Янка Купала, Аркадий Кулешов, Кондрат Крапива, Михась Лыньков, Пимен Панченко, Пилип Пестрак, Максим Танк, Павлюк Трус, Кузьма Чорны и Иван Шамякин. Пособия создавались ею как на белорусском, так и на русском языках. По жанру это в основном библиографические указатели, справочники, памятки читателя.

Всего же плодотворная библиографическая деятельность Н.Б. Ватаци продолжалась более 60 лет (прижизненные публикации с 1932 по 1994 г.). Многие ее библиографические труды стали значительными вехами в истории национальной библиографии.

На взгляд современных исследователей, к «вершинам научно-библиографической культуры» [2] принадлежит составленный Ватаци на белорусском языке уникальный указатель «Максим Богданович» (Минск, 1977), все части которого тщательно композиционно продуманы и насыщены большой по объему фактографической информацией. Он носит характер авторской книги высокообразованного человека своего времени, обладающего собственным видением литературных и информационных процессов в обществе.

Для библиотечных специалистов нового поколения информационного обслуживания пользователей и электронной почты порой удивителен тот факт, что Н.Б. Ватаци параллельно занималась литературоведческой деятельностью. Она вела традиционную бумажную переписку (в будущем – это документы архивов, музеев и т. д.) с деятелями белорусской и русской литературы и культуры, а также членами их семей с целью установления дат первых публикаций, атрибуции фотоснимков, приобретения рукописей и т. д.

Главным приобретением Н.Б. Ватаци и всей белорусской литературы – приобретением, связанным со знаменитой семьей Богдановичей (а отец поэта Адам Егорович Богданович был известным белорусским и российским этнографом, который позже стал еще и свояком Максима Горького, так как они оба поженились на сестрах Волжиных в Нижнем Новгороде), – считается комплект редких семейных фотографий и дореволюционная рукописная тетрадь авторских переводов на русский язык стихотворений Максима Богдановича «Зеленя» (редкое слово русского языка с ударением на последний слог, в значении «молодые всходы хлебов, преимущественно озимых»; т. е. тетрадь с названием, как было бы на современном русском литературном языке, нечто типа малохудожественного, сельскохозяйственного «Озимь» – аллегория первых всходов стихов, запорошенных снегом авторских переводов на русский, взошедших перед суровой зимой жизненных коллизий). Эта тетрадь была мастерски заполнена поэтом в 1913 г. для подарка двоюродной сестре Анне (Нюте), жившей в Нижнем Новгороде и получавшей тогда высшее женское образование в Москве на отделении математики и астрономии Высших женских курсов (в те годы она бывала дома в основном на каникулах).

В результате подвижнической переписки, поездок и личного знакомства с родственниками Нина Борисовна Ватаци приобрела уникальную тетрадь «Зеленя» через полвека – в 1964 г. – у Натальи Глебовны Кунцевич, родной племянницы Анны Ивановны Гапанович (той самой Нюты). По 1982 г. рукопись хранилась в Государственной библиотеке БССР им. В.И. Ленина [3].

Свою собранную, весьма обстоятельную коллекцию документов и вещей, связанных с жизнью и творчеством Максима Богда-

новича, Н.Б. Ватаци передала в конце жизни в Литературный музей Максима Богдановича, открывшийся благодаря и ее несомненным усилиям в столице Беларуси Минске в 1991 г. Коллекция документов, собранная Ватаци, стала почетным Фондом № 1 этого музея, так как поступила еще на первой стадии его становления в начале 1980-х гг. Отдельные документы, подаренные исследовательницей, вызвали широкий общественный резонанс. Итогом проделанной работы стала ее книга статей «Шляхі» (1986) – как она считала, «венки памяти Максиму Богдановичу» [4].

Памяти известной исследовательницы творчества Максима Богдановича Н.Б. Ватаци были посвящены проведенные в 1998 г. Национальной библиотекой Беларуси Первые книговедческие чтения, ставшие теперь уже доброй традицией. Например, в 2011 г. VII Международные книговедческие чтения проводятся под названием «Библиотеки и политика открытого доступа к информации и знаниям».

В год 100-летия со дня рождения классика белорусской библиографии Н.Б. Ватаци на сайте НББ в 2007 г. был создан информационно насыщенный электронный ресурс [5]. Он состоит из следующих частей: «Портрет», «Автобиография», «Библиографическая деятельность Н.Б. Ватаци», «Даты жизни и деятельности», «Хронологический указатель работ Н.Б. Ватаци, рецензий на них и книг, изданных с ее участием», «Литература о жизни и деятельности Н. Б. Ватаци», «Архивные материалы». На первой странице этой своеобразной электронной книги можно увидеть редкий портрет библиографа-исследовательницы: перед нами образ женщины уже в очень зрелом возрасте, но романтической, порывистой, целеустремленной, с еле заметной мягкой улыбкой на губах. Маргарита своего измученного болезнью Мастера... [6].

Сегодня в Национальной библиотеке сберегается и уже частично оцифрован архив Н.Б. Ватаци, заслуженного деятеля культуры Беларуси (1963), члена Союза писателей СССР (1979). Среди оцифрованных документов можно встретить ее трудовую книжку, профсоюзный билет, удостоверение к медали «За Трудовую доблесть», удостоверение члена Союза писателей СССР, несколько ее рукописных автобиографий, составленных в разные годы жизни, и другие личные документы.

Фонд личного происхождения этого выдающегося библиографа поступил на хранение в 2000 г. Он состоит из небольшой рукописной части, обширной переписки, документов к биографии, юбилейных приветствий и наград, а также фотографий самой Нины Борисовны, ее молодого мужа (в 1930-х гг. репрессированного и потом погибшего на фронте в 1942 г.), родственников, коллег по библиотечному делу. Среди давних корреспондентов – известные белорусские писатели и деятели культуры, такие как Янка Брыль, Зоська Верас, Владимир Дубовка, Михаил Улащик, Сократ Янович и др. В научном сборнике «Здабыткі», издаваемом в НББ, в 2007 г. вышла статья главного библиографа НИО книговедения А. Белого с общей характеристикой этого архива как части наших фондов [7].

Особый интерес представляет переписка Н.Б. Ватаци с потомками родственников и знакомых Максима Богдановича, особенно с Лилеевыми (Кокуевыми), а также с Аркадием Яковлевичем Бараховичем – русским переводчиком белорусского поэта, писателем и сценаристом. Он был мужем двоюродной племянницы Максима Богдановича – Анастасии Глебовны Кунцевич. И, как оказывается, удивительно цельно понимал – как человека, а не как мифологизированный образ – и ее знаменитую тетку (правильнее даже с большой буквы – Тетку), то есть младшую сестру своей тещи Веры Ивановны, Анну Ивановну, некогда чистую первую любовь и музу белорусского поэта-классика, юного Максима-книжника. Последний испытывал к ней такую традиционную в европейской культуре полулюбовь-полудружбу к ровеснице-сестре, к кузине!..

Похоже, что в восприятии писателя Аркадия Бараховича при работе над портретным очерком Анны Ивановны Гапанович (Селивановской) сработала и литературная ассоциация с творческой биографией другого гения – А.С. Пушкина: его героиня – словно Анна Ивановна Керн, некогда вдохновившая русского поэта на поэтический шедевр «Я помню чудное мгновенье...», но связать судьбу с которой великому русскому поэту так и не удалось.

Ниже мы публикуем текст письма А.Я. Бараховича, извлеченного из пожелтевшего потрепанного временем почтового конверта, с цветным изображением Волжской набережной города

Горький (сегодня снова Нижний Новгород! жизнь повторяема!) и с крупной диагональной надписью, сделанной, как мы думаем, рукой Н.Б. Ватаци – синей пастой ее любимой шариковой ручки 80-х гг., слева от красной почтовой марки: «Нюта».

Ил. 1. Фотопортрет Анны Ивановны Селивановской (в девичестве Гапанович), сделанный в фотоателье Максима Дмитриева (Нижний Новгород) – крупнейшего мастера российской и мировой фотографии

Текст письма выполнен автором на печатной машинке. Он помещен на трех страницах двух пожелтевших листов бумаги формата А4, с рукописными правками, авторской подписью и датой, выполненными также от руки. Вместо круглых скобок А. Барахович печатает везде косые линии (возможно, из-за отсутствия нужных клавиш на его машинке). Автор употребляет букву «ё», совершенно оправданно различая ее с буквой «е». В целом текст представляет собой художественный очерк. Писался он автором на протяжении несколько месяцев (апрель – май 1882 г.). Это своеобразный «этюдный портрет» Анны Ивановны, выполненный особо подобранными словами, развернутый во времени, насыщенный конкретными фактами, персонажами и датами ушедшей неповторимой эпохи.

Конверт «Нюта»

(Письмо Бараховича А.Я. к Ватаци Н.Б.)

Текст

Анна Ивановна Селивановская (Гапанович) (все имя подчеркнуто на пишущей машинке (как заглавие очерка?). – Л.С.)

Родилась в 1892 году в семье Магдалины Егоровны и Ивана Станиславовича Гапанович в Минске, была третьим ребёнком. До неё родились Вера (1888), Пётр (1890), после Наталия (1895). В Нижний Новгород семья переехала примерно в 1900 г. (в 1899 г. Вера Гапанович ещё училась в Минске). В семье А.И. Гапанович звали Нютой. Она блестяще училась в нижегородской Мариинской гимназии и закончила её с золотой медалью, как, впрочем, и другие дети Гапановичей. Ещё в гимназии проявила выдающиеся математические способности и после окончания гимназии поступила на физико-математическое (?) отделение (на отделение математики и астрономии. – Л.С.) Высших женских курсов в Москве [8]. В эти же годы в Москве, в университете учился Лев Богданович (младший родной брат Максима Богдановича. – Л.С.). У Павла Адамовича (младший сводный брат Максима Богдановича. – Л.С.) сохранились многочисленные записки Нюты к Льву с просьбой «прислать рубль», найти какую-нибудь книгу по математике, помочь в решении сложных уравнений. Эти записки были, видимо, дороги Льву, он возил их с собой на фронтах первой мировой войны, и они вернулись в семью после его гибели.

Дорожил мнением Нюты и Максим Богданович. Ровесники, они детские годы провели рядом, воспитывались на одних и тех же книгах, придерживались близких взглядов, по существу, жили в одной семье. После переезда Богдановичей (из Нижнего Новгорода. – Л.С.) в Ярославль, туда наведывалась Нюта, приезжал в Нижний и Максим. Знаменательно, что именно Нюте Максим посвятил свои авторские переводы «Зеленя». Нюта была обаятельной, очень остроумной девушкой. Во время учёбы в Москве она на каникулы и праздники приезжала в Нижний. Наталья Глебовна (родная племянница Нюты и свояченица А.Я. Бараховича. – Л.С.) вспоминает её в эти годы кудрявой большеглазой, душистой (тонкий запах духов исходил от её платьев, мехового воротничка пальто). Племяннице Наташе она привозила из «Мюра и Мерилиза» (торговый дом, сейчас универмаг «Центральный») тетрадки в крупную клеточку.

В 1917 г. вышла замуж за нижегородца, студента Московского университета, призванного в армию, Евгения Михайловича Селивановского, который вскоре погиб, так и не увидев родившуюся в 1918 году дочь Катю.

После революции А.И. Селивановская работала в фотографии Дмитриева (Максима Петровича Дмитриева (1858–1948) – знаменитого на весь мир нижегородского фотографа. – Л.С.), с дочерью которого Анной Максимовной была дружна с гимназических лет до последних дней своей жизни. Последние годы жизни Анна Ивановна работала в управлении железной дороги в должности экономиста-плановика. Умерла она от туберкулёза 24 мая 1941 года. Дочь её Катя училась в это время в Ленинграде в Горном институте, и Анна Ивановна жила вместе с сестрой Верой Ивановной Кунцевич и её детьми (Наталия, Анастасия, Татьяна) и с незамужней сестрой Наталией Ивановной Гапанович, которую в семье нежно звали «тётик». Наталия Ивановна переехала в Ленинград к Кате и до последних дней жила в её семье. Свою дочь Катя назвала, как и мать, Анной, а все близкие по традиции зовут её Нютой, у Нюты растёт дочь Яна.

Общение с Анной Ивановной оставляли глубокий след в сердцах всех. Её подруга по гимназии Ольга Сыромятникова (Ольга Петровна Владимирова) жила во Владимире, с Анной Ивановной они переписывались до самой смерти Анны Ивановны. Но и после

её смерти Ольга Петровна ежегодно к 16 февраля, в день именин Анны Ивановны, присылала Н.Г. Кунцевич (все той же любимой Анной Ивановной племяннице Наташе. – Л.С.) письма, в которых вспоминала Анну Ивановну, как чудную талантливую женщину. Умерла О.П. Владимирова в середине семидесятых годов. В Горьком живут её родственники, через которых возможно удастся получить письма Анны Ивановны, если они сохранились.

По рассказам Н.Г. Кунцевич один из бывших гимназистов (Фома Шабловский) вспоминал, что поклонники Нюты Гапанович бросали в форточку окна букеты цветов, благо Гапановичи одно время жили в полуподвале.

Очень любили Анну Ивановну (тётю Нюту) дочери её старшей сестры Веры. Она умела найти с детьми общий язык, была не только старшим товарищем, но и другом, доступным и веселым, щедрым на выдумку.

Наталья Глебовна вспоминает, что в 7 классе у неё был плохой учитель по математике, и она как-то сказала тёте Нюте, что не любит математику. И Анна Ивановна прочитала ей лекцию, в которой развернула общую картину математики, начиная от Эвклида и включая основы геометрии Римана и Лобачевского. Эту лекцию Наталья Глебовна помнит до сих пор. Не без влияния Анны Ивановны она стала инженером, специалистом в радиотехнике, почётным радистом СССР.

Из литературных привязанностей Анны Ивановны – поэзия Тютчева, юмористические стихи Вл. Соловьёва и его «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с приложением краткой повести об Антихристе» (книга была у Е.Е. Селивановской в Ленинграде); Анатолий Франс («Харчевня королевы Гусиные лапки»); Короленко, Чехов, Достоевский, Лесков; меньше Толстой. В последние годы «12 стульев» и «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова.

У Анны Ивановны был хороший слух, она любила напевать романсы «Сомнения», «Плыви моя гондола», арии из опер. Музыкального образования у неё не было, рояль появился в доме в Нижнем Новгороде в конце 20-х годов. (В Минске было пианино, В.И. (старшая сестра Вера Ивановна. – Л.С.) училась музыке.)

Из художников ей нравились работы Серова, Нестерова, Рябушкина, сказывалось влияние двоюродного брата Бориса Три-

фоновича Голована, сына Марии Егоровны (родной тети Максима Богдановича. – Л.С.).

В комнате Анны Ивановны висели крупноформатные фотографии работы М. Дмитриева, в частности «Толгский монастырь (негативы как-будто находятся в музее Горького в Москве).

Анна Ивановна очень хорошо шила – и на дочь, и на племянниц, вкусно готовила: школа Магдалины Егоровны (родной тети Максима Богдановича. – Л.С.), а если дальше, то и Егора Лукича (Егор Лукьянович Богданович – дед поэта. – Л.С.).

*А. Барахович (ростись)
апрель – май 1982 г.*

Далее помещены дополнительные комментарии к опубликованному документу и теме исследования.

1. На конверте с этим письмом стоят три почтовых штемпеля: первый – «11-5-[1982], Горький»; второй – «13.05.82, Минск-Почтамт»; третий – «14.05.82, Минск-5». Следовательно, письмо дошло из Горького в Минск за три дня.

2. Орфография и пунктуация оригинала при публикации нами сохранены.

3. Мы выяснили недавно, что сестра мачехи Максима Богдановича, Екатерина Павловна Пешкова, она же вдова писателя Максима Горького, во второй половине 1940-х гг. в город Горький (переименованный в честь ее мужа-писателя Нижний Новгород) для фотографа М.П. Дмитриева – заболевшей местной знаменитости, «привозила из Москвы профессора – лучшего специалиста. Он оперировал Максима Петровича в Горьком. Пешкова была близкой подругой Ани – жены фотографа, первой нижегородской красавицы (Анны Филипповны, в девичестве Городецкой. – Л.С.). Пешковы и Дмитриевы когда-то дружили семьями. Но и после смерти Ани Екатерина Павловна продолжала общаться с Максимом Петровичем, да и внуки великого писателя Дарья и Марфа не раз бывали у него в доме (в доме М.П. Дмитриева. – Л.С.)» [9]. Таким образом, получается триада близкой дружбы знаменитых нижегородцев семьями: Богдановичи – Пешковы – Дмитриевы.

4. На странице 9 современного издания альбомного типа «Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева» (Нижний Новгород, 2007), имеющегося в фонде Национальной библиотеки Беларуси, мы обнаружили изображение почтовой открытки «Толгский монастырь» из серии «Волга и Поволжье». Возможно, это тот самый «фотопейзаж работы М. Дмитриева», о котором пишет в своем письме А.Я. Барахович: такие крупноформатные работы М. Дмитриева украшали стены комнаты Нюты в доме ее сестры Веры, где она вместе с третьей сестрой, незамужней Наталией, и племянницами доживала последние годы жизни. Она умерла в мае 1941 г., значит, и вести о страшной Второй мировой войне, зловещие «зеленя» которой взошли еще в Первую мировую, ей услышать, на счастье, не довелось (как и изведать фашизм в своей судьбе). Она прожила всего 49 лет.

5. А тогда, в Первую мировую войну, погибли еще совсем молодыми многие ее родственники и близкие – ровесники Максима Богдановича, талантливого автора самодельной, графически продуманной, эстетически оформленной знаменитым его «бисерным почерком», авторской, созданной как подарок в единственном экземпляре, – словом, как мы, специалисты-книговеды, сегодня бы сказали, по существу арт-книги «Зеленя».

Об этих утратах, несомненно, изменивших характер молодой женщины... Во-первых, как мы узнаём из текста письма А.Я. Бараховича, в Первую мировую войну погиб молодой муж Нюты – Евгений Михайлович Селивановский. Во-вторых, в госпитале, раненый в бою в ногу, умер молодым Лев Адамович Богданович – ее двоюродный брат, подававший большие надежды в математике и помогавший ей решать и придумывать задачи на математический конкурс с денежными премиями для журнала «Вестник Опытной Физики и Элементарной Математики» [10]. Тот самый Лева, из-за которого отец не отпустил Максима Богдановича учиться и работать на специальной кафедре по белорусоведению у профессора А.А. Шахматова в Санкт-Петербург. Переживший всех своих по-разному талантливых сыновей от первого брака, а именно: революционера Вадима, писателя Максима, математика Льва, – отец писал позже в своих заказанных Институтом белорусской культуры (тоже – как бы еще тогда только пробившиеся «зеленя» современной Национальной академии наук Рес-

публики Беларусь) очень откровенных воспоминаниях в 1923 г.: «Я не считал возможным при состоянии его здоровья (Максима Богдановича. – Л.С.) отпустить его (из Нижнего Новгорода. – Л.С.) в Петербург, в город со скверным климатом и с затхлыми комнатами... Сверх того, на следующий год должен был поступить в (Московский – Л.С.) университет его младший брат, для которого, как математика, это было неизбежно, а двоих содержать в разных городах для меня в материальном отношении было непосильно» [11].

Погибли, умерли и многие другие близкие и знакомые Анны Ивановны. «Белым цветом» оделась калина ее женской судьбы...

6. Анна Ивановна Гапанович (по мужу Селивановская) пережила своего дядю Адама Егоровича Богдановича, чьей богатой библиотекой когда-то пользовалась, будучи нижегородской гимназисткой и московской курсисткой. Анна Ивановна была одна из немногих родных, кто похоронил его на кладбище в родных белорусских Холопеничах в 1940 г., приехав для этого из далекого города Горький, где жила тогда, как мы помним из письма А. Бараховича, в семье у сестры Веры. Адам Егорович когда-то и попросил сделать это свою любимую племянницу Нюту: «Ты, Нюта, здолееш пахаваць мяне так, як хацеў бы я» [12]. Как-то одна из молодых родственниц М. Богдановича рассказывала в личной беседе исследовательнице Н.Б. Ватаци о Нюте: «Гэта быў адзіны чалавек у нашай сям'і, з якім Адам Ягоравіч размаўляў як з роўным, не павучаючы, з думкай якога па тэарэтычных пытаннях ён лічыўся» [13].

7. И последний, на наш взгляд, очень важный комментарий к публикации письма из архива Н.Б. Ватаци. Склонность к математике, к абстрактному мышлению была в крови у многих представителей рода Богдановичей, даже женщин. Может, это и объясняет ту непонятную многим исследователям «прохладу», с которой Нюта приняла в подарок от начинающего поэта, двоюродного брата Максима, рукописный сборник на русском языке «Зеленя»? Об этих математических способностях членов их большой семьи писал в 1965 г. и сводный брат поэта Павел Адамович Богданович, «по призванию и образованию математик», передавший свою личную математическую библиотеку в конце жизни в Белорусский государственный университет: «По

мнению отца, они (математические способности. – Л.С.) наследуются нами от его матери, урожденной Анели Осьмак» [14]. А вот одна из недавних – 2005 г. – и редких по подробностям цитат о Нюте-математике: «Двоюродная сестра Ньюта (Анна Гапанович) увлекалась математикой и так же, как Лев, посылала решения конкурсных задач в журнал “Вестник Опытной Физики и Элементарной Математики” (в журнале за 1910 г. 9 раз можно встретить подпись – “Нюта (Нижний Новгород)”. Это единственное женское имя, встречающееся в перечне читателей, приславших решения в раздел “Задачи”. Письма свидетельствуют, что сестра поддерживала тесные отношения со Львом даже тогда, когда он был студентом университета.

Левушка! Не будешь ли ты бесконечно любезен, не сделаешь ли одну из задач. У меня получаются ужасные формулы, так что я в отчаяние прихожу. Из знакомых мне (...) нижегородского математического мира никто сделать не может. Я была бы бесконечно благодарна.

Гипотенуза равна 5 м.; биссектор большего из острых углов равен $\frac{3}{2\sqrt{5}}$. Найдите катеты.

В окружность вписан равнобедренный треугольник ABC, в котором $AB = AC = a$. Через точку A проведена хорда $AK = b$, которая пересекает BC в точке M. Найдите AM. Ответ a^2/b .

А. Гапанович
29 окт. 1912» [15].

Нюта... Есть в ее имени, которое она пронесла через всю жизнь и которым потом называли ласково своих дочерей ее родственники-потомки (в том числе собственная единственная дочь Катя Селивановская, называвшая так уже свою дочь Анну – Нюта), да, есть, есть что-то универсальное, многозначное. Например, цветочное: анютины глазки; и что-то математическое: греческая буква «ню», употребляемая математиками (как прописная, так и строчная – N и n); есть и что-то художественное: изобразительный жанр «ню» (ранее называвшийся словом «акт», то есть буквально «действие», «действие», даже «магия»...), когда ценность земного чувственного бытия, его краса и сила раскрываются в изображении нагого женского тела; есть в этом имени и что-то такое милое домашнее, родное, похожее на детский лепет:

«ню... та...»); и что-то новое как обещание нового в этом больном мире, с прогнившими, взрывающимися вулканическим кашлем легкими, точно как у детей бедного отца Адама: new (ню)... Это же возможность начать все заново, обрести новую землю и новое небо, например, как старый европейский небольшой город Йорк, ставший американским огромным Нью-Йорком – Новым Вавилоном на реке Гудзон, преобразующей в своих водах людей (а может, просто отражающей вас лучшими, наконец воплотившими свои сокровенные желания, – как сказочный волшебник ослепительно сверкающего Изумрудного города Гудвин).

В Национальной библиотеке Беларуси, в архиве Н.Б. Ватаци хранятся и другие письма, касающиеся родственников семьи Богдановичей, а также книги, подаренные ими.

С другой стороны, в НББ хранятся и оригиналы редких открыток, так называемых дореволюционных открытых писем, с изображением фотографий того нижегородского фотографа Максима Дмитриева, с дочерью которого, тоже Аней, до конца своих дней дружила Нюта и в фотографической мастерской которого позже работала. Ниже мы подаем описание некоторых из этих документов.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Старшины-татары Сергачского уезда [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 9x14 см. – (Волжские типы ; N 235). Шифр: 6ИС14466А7123.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Типы цыган [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева ; Всемирный почтовый союз. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x8,5 см. Шифр: 6ИС14464А7121.

На изображении справа вверху помещен номер: 243.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Монахи черемисы [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x9 см. – (Заволжские типы ; N 270). Шифр: 6ИС14454А7111.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Типы раскольников поморцев д. Карельской [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева ; Всемирный почтовый союз. Россия. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x8,5 см. – (Заволжские типы ; N 268). Шифры: 6ИС14455А7112*6ИС14467А7124.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Кучер, возивший Мельникова при разорении скитов [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x9 см. – (Волжские типы и сцены ; N 40). Шифр: 6ИС14451А7108.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Типы старообрядцев [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева ; Всемирный почтовый союз. Россия. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [между 1904 и 1909]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x8,5 см. – (Заволжские типы ; N 251).

Под изображением рядом с фамилией фотографа помещена надпись: Право худож. собственности заявлено Импер. Акад. Худож. Шифр: 6ИС14453А7110.

[Есть в книге «Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева»(2007).

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Странник [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [конец XIX в. – до 1904]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 14x9 см. – (Волжские типы ; N 237). Шифр: *6ИС14462А7119.

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

«На храм Божий!» [Изоматериал] : открытое письмо / [фото] М. Дмитриева ; Всемирный почтовый союз. Россия. – Н.-Новгород : Изд. фот. М. Дмитриева, [между 1904 и 1909]. – 1 л. : черно-белая фотомеханическая печать ; 13,5x8,5 см.

На изображении слева вверху помещен номер 236. Шифр: 6ИС14469А7126.

Всего у нас хранится 14 оригиналов «открытых писем» (открыток) М. Дмитриева.

Современная литература о М. Дмитриеве и его трудах, как и о современном российском писателе Аркадии Бараховиче, представлена в фондах НББ довольно мало:

Дмитриев, Максим Петрович (фотограф; 1858–1948)

Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева [Изоматериал] : из коллекции Льва Тельнова / составитель О. А. Рябов. – Нижний Новгород : Книги, 2007. – 557, [2] с. : ил., цв. ил., портр. ; 21 см. Шифры: 1//277855(039)*1//209471(039)

Нижний Новгород [Изоматериал] : Родина трех ополчений : [комплект открыток] / Государственный Русский музей фотографии ; дизайн: А. Тарасов. – Нижний Новгород : [б. и.], 2005. – 1 обложка (12 отдельных л., текст) : цв. и черно-белый офсет ; 10x14,5 см.

Листы №№ 5, 6, 8 воспроизведены с открыток, изданных в начале XX в. – Содержание: 1. Митинг на площади им. Минина. Горький, 1943 год / фотограф Н. Капелюш. 2. Площадь Советская. Отправка частей на фронт. Горький, 1941 год / фотограф Н. Капелюш. **3. Вид на кремль. Н. Новгород, 1911 год / фотограф М. Дмитриев.** 4. **Благовещенская площадь. Н. Новгород, конец XIX века / фотограф М. Дмитриев.** 5. Мининский сад. Памятник-обелиск Минину и Пожарскому. Н. Новгород, конец XIX века / фототипия Шерер и Набгольц ; скульптор И. П. Мартос ; архитектор А. И. Мельников. 6. Спасо-Преображенский Кафедральный собор. Н. Новгород, конец XIX века / фототипия Шерер и Набгольц. 7. На Соборной площади у храма Иоанна Предтечи. Н. Новгород, 2000 год / фотограф В. Алексеев. **8. Знамя Козьмы Минина, хранящееся в Кафедральном соборе. Н. Новгород, 1914 год / фотограф М. Дмитриев.** 9. Бородинское поле. Реконструкция сражения. 1997 год / фотограф В. Алексеев. 10. Вид на Кремль и Стрелку. Н. Новгород, 2005 год / фотограф И. Бубис. 11. Град-камень. Н. Новгород, 2005 год / фотограф И. Бубис. 12. Нижегородский кремль. Н. Новгород, 2003 / фотограф И. Бубис. Шифр: 17//917А(008).

Наше уточнение: из 12 открыток последнего комплекта изоматериалов 3 – авторства М. Дмитриева. Из надписи на общей обложке: «Русский музей фотографии был создан в Нижнем Новгороде в 1992 году. С 2000 года стал государственным. В его фондах более 160 тысяч единиц хранения, среди них много уникальных экспонатов. Музей находится в здании, где когда-то

работали Андрей Осипович Карелин и Максим Петрович Дмитриев, в конце XIX века неизменно получавшие высокие награды на российских и зарубежных выставках».

А из книг российского писателя, бывшего институтского преподавателя А.Я. Бараховича в НББ хранится только одно небольшое издание в сюжетной издательской обложке, вышедшее в России тиражом 500 экз. Это «Онегин в Нижнем: пародия» (Нижний Новгород, 2005), художник Д.Н. Мезенцев, компьютерная верстка М.А. Бараховича (сына писателя, названного в честь великого белорусского предка тоже Максимом!). На обороте титульного листа над графическим портретом автора набрано посвящение: «Автор этой шуточной поэмы посвящает её дорогим нижегородцам в памятный год двухсотлетия со дня рождения А.С. Пушкина».

Известно, что Аркадий Барахович переводил на русский язык стихи Максима Богдановича, а также исполнял со своей студенческой агитбригадой песни на его стихи. Однажды они звучали также под холодным небом Арктики, куда отправилась с концертами их агитбригада.

Анна Ивановна Гапанович (Нюта, по мужу Селивановская) передала позже своей племяннице Наталье Кунцевич непонятный ей, подписанный автором, белорусский «Венок» М. Богдановича. Той самой Наташе, которой Максим подарил когда-то плюшевого медвежонка. Сейчас обе реликвии хранятся в Литературном музее Максима Богдановича в Минске, благодаря переписке и стараниями Н.Б. Ватаци. Но... На полях экземпляра, подписанного также и Нютиной матери – родной тете Максима Богдановича «тетке Магдалине», видны записи – позднейшие попытки перевода на русский язык белорусских стихов поэта, возможно, самой Нютой [16]. (Словно через года мы слышим ее ответ – строчками из известного стихотворения М. Богдановича «Белым цветом одета калина...»: – Отчего ты, как месяц, странна? / – Я не знаю, – сказала она.) Она, Нюта, пыталась понять его снова, по-своему, и, имея с ним нечто общее в натуре – «сальерианское», расчетливое, математическое, а значит и царственное (математика ведь – царица наук, и наш век цифровых технологий это доказал), каким-то непостижимым образом встретиться с ним метафизически в этих зыбких строках, груженных смыслом строфах – ладьях Харо-

на, ожидающего рано или поздно всех на берегу реки памяти нашей... Лета. Нюта. Анюта. А ну-ка...

Нам хотелось бы встретиться с нею на улице. С такой, какой она на самом деле была – умной, чувственной, верной себе всю жизнь и какую помог нам увидеть текст письма А. Бараховича и других документов, хранящихся в НББ.

А вам? Тоже?.. Тогда приходите к нам в НББ на свидание с нею. Мы ведь все вместе летим к звездам, как писал почти 100 лет назад Максим Богданович.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватацы Нина Борисовна // Республика Беларусь : энциклопедия : [в 6 т.]. Минск, 2006. Т. 2. С. 598–599.

2. **Зыгмантовіч, С. В.** Бібліяграфічная дзейнасць Н. Б. Ватацы / С. В. Зыгмантовіч, В. І. Саітава // Здабыткі : дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 1997. Вып. 2. С. 18.

3. **Ватацы, Н. Б.** Максім Багдановіч : паказальнік твораў, аўтографі і крытычнай літаратуры / складальнік Н. Б. Ватацы. Мінск, 1977. С. 101–107.

4. **Ватацы, Н. Б.** Шляхі : гісторыка-літаратурныя артыкулы / Н. Б. Ватацы. Мінск, 1986. С. 5.

5. **Классик** белорусской литературной библиографии Н. Б. Ватацы : к 100-летию со дня рождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlb.by/portal/page/portal/index/content?lang=ru&classId=9C7A282518A94DB59C279080BD7D01A9>. Дата доступа: 17.09.2010.

6. **Сільнова, Л. Д.** Легенда бібліятэчнай справы : да 100-годдзя Ніны Барысаўны Ватацы / Л. Сільнова // Бібліятэчны свет. 2008. № 2. С. 31–32.

7. **Белы, А. В.** Агляд фонду асабістага паходжання Ватацы Н. Б. / А. В. Белы // Здабыткі : дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 2007. Вып. 9. С. 172–175.

8. **Ватацы, Н. Б.** Слово о старшем брате / Н. Ватацы // Неман. 1971. № 4. С. 153 (в примечании).

9. **Рябов, О.** Кисть рябины с каплями дождя / Олег Рябов // Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева : из коллекции Льва Тельнова : [Изоматериал] / составитель О. А. Рябов. Нижний Новгород : Книги, 2007. С. 527.

10. Подробнее об этом увлечении математикой брата и сестры см.: **Епифанова, Н. М.** Учащиеся – авторы задач школьных учебников /

Н. М. Епифанова // Труды третьих Колмогоровских чтений. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005. С. 292–231.

11. **Богданович, А. Е.** Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича / А. Е. Богданович // Шлях паэта : успаміны і біяграфічныя матэрыялы пра Максіма Багдановіча / [складальнік Н. Б. Ватацы. Мінск, 1975. С. 40.

12. **Бачыла, А.** Дарогамі Максіма / А. Бачыла // Шлях паэта : успаміны і біяграфічныя матэрыялы пра Максіма Багдановіча / [складальнік Н. Б. Ватацы]. Мінск, 1975. С. 275.

13. **Ватацы, Н. Б.** У Горкім // Н. Ватацы // Шлях паэта : успаміны і біяграфічныя матэрыялы пра Максіма Багдановіча / [складальнік Н. Б. Ватацы]. Мінск, 1975. С. 213.

14. **Ватацы, Н. Б.** Слово о старшем брате ... С. 152.

15. Цитируется по: Епифанова, с. 292–231.

16. **Ватацы, Н. Б.** Максім Багдановіч : паказальнік твораў, аўтографіў і крытычнай літаратуры / Н. Б. Ватацы. Мінск, 1977. С. 107.

Лицкевич О.В. (Минск)

**ОЛЬГЕРДИАНА:
О НЕКОТОРЫХ ФАЛЬСИФИКАТАХ
И УТРАЧЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
(ЛИТОВСКО-МОСКОВСКИХ ДОГОВОРАХ 1340–1380-х гг.)**

Изучение истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) второй половины XIV в. затрудняется тем, что до сих пор нет сводного издания и обзорной характеристики всех известных нам входящих либо исходящих документов канцелярии ВКЛ за этот период. Это создает почву для разного рода спекуляций, когда в качестве доказательств некоторыми авторами привлекаются заведомые фальшивки. Случается и другая крайность: содержание ряда утраченных ныне документов известно нам по русским летописям или архивным описям XVII в., но эти акты все равно редко используются исследователями, и вопросы об их датировании и обстоятельствах создания все еще остаются открытыми.